

автоматизма использования в речи лексических единиц или грамматических конструкций перенесутся на дистанционное выполнение. На уроке же в классе у учителя появится больше времени для непосредственно выполнения коммуникативных заданий.

Если цель – создание условий для получения новых знаний по выбранным специализациям профиля, то более подходящим для её реализации является интеграция в учебный процесс третьего варианта модели. Обучение в этом случае проходит в основном дистанционно. Учащиеся занимаются в учебном дистанционном курсе, состоящем из модулей, которых может быть несколько в зависимости от выбранных специализаций (например, модуль переводоведение, межкультурная коммуникация и т.д.). На очных занятиях могут обсуждаться темы, вызвавшие наибольшую трудность у учащихся.

И в том, и в другом случае важно помнить, что деятельность учащихся в процессе дистанционной работы должна постоянно контролироваться учителем-координатором курса, в противном случае все усилия по разработке и организации интегрированного обучения в конечном итоге будут равны нулю.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что интегрированная в учебный процесс дистанционная форма может предоставить учащимся реальную возможность и условия для более чёткого выбора будущего направления профиля Филология и эффективной подготовки в соответствующий вуз, за счёт организации разнообразных форм образовательного процесса.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА-ФРЕЙМА ‘ОБРАЗ РОССИИ’ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

*Е.А. Огнева
(Белгород)*

Когнитивное описание языка тесно связано с его культурологической интерпретацией. Важен анализ антропоцентричности языка в рамках “когнитивной картины” языка [1], где “язык – это всего лишь вторичная, объективированная форма существования сознания” [2, 4].

Исследования показывают, что язык и культура имеют как сходные, так и различные структурные черты. Несмотря на то, что язык и культура являются различными семиотическими системами, культура структурно подобна языку, поэтому смысловое пространство культуры детерминируется границами этнического языка. Ещё В. Гумбольдт писал о том, что в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук вста-

ет между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка, а, следовательно, и другой культуры [3, 132].

В лингвокультурологических исследованиях конца 20-го – начала 21 века значимое место занимает теория культурного кода. В когнитивной лингвистике “код культуры” определяется как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Код культуры восстанавливается при семантическом и концептуальном анализе – в виде языковой картины мира.

Известно, что картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном, а также в групповом и индивидуальном сознании [4, 4]. Национальная картина мира просматривается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях и суждениях народа о действительности, в высказываниях, пословицах, поговорках и афоризмах. Национальная картина мира предопределяет смысловую и аксиологическую непрозрачность этноконнотации. Установлено, что в процессе номинации обозначаемый денотат отражается в сознании представителей этносоциальной среды одним из наиболее релевантных признаков, по которому определяется вся совокупность обозначаемого предмета. Таким признаком этноконнотанта, на основе которого осуществляется переосмысление денотативного и квазиденотативного содержания языковой единицы, является образная составляющая.

В ходе исторического развития народов в их представлении сложились различные языковые картины мира [5, 6, 7]. По мнению Е.С. Кубряковой, языковая картина мира предполагает установление определенных классификаций всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей; фиксирует возможные ракурсы рассмотрения тех или иных сущностей и определяет взгляд на вещи [8, 33]. Значимо то, что не знак и не языковая картина определяют сознание человека, а внеязыковая реальность.

Отражение мира в языке не является механическим, оно носит творческий, в ряде случаев, субъективный характер. Существенным недостатком в изучении компонентов языковой картины мира на современном этапе является ее рассмотрение как *конечного* результата языковой деятельности народа и личности в отдельности, тогда как не вызывает сомнения тот факт, что роль каждодневного языкового творчества, соотношение индивидуального и социального в построении картины мира достаточно велика. Как известно, языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой. Она является осно-

вой личностной самондентификации и во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты по их месторасположению в системе предметных значений и контекста.

Отличия языковых картин мира, возникающих в сознании различных народов, проявляются в особенностях лексической семантики и грамматической структуры национальных языков. Степень относительности языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений. Компоненты, составляющие данную систему, отражают специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, описываемой в тексте [9, 34]. Подчеркнем, что *художественная картина мира* – это вторичная опосредованная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения и создается языковыми средствами, отражая при этом индивидуальную картину в сознании писателя. Художественная картина мира находит свое отражение в различных стилях и жанрах художественной литературы, которые появляются, развиваются, достигают пика своего развития, иногда исчезают в процессе развития языка и культуры того или иного народа. Художественный текст как форма реализации художественной картины мира связан с языковой картиной мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных структур народа. Художественная картина мира проявляется:

- в отборе элементов содержания художественного произведения;
- в отборе используемых языковых средств, тематических групп языковых единиц;
- в индивидуальном использовании языковых средств.

Язык в данном случае выступает средством создания вторичной картины мира, в которой отображается национальная языковая картина мира, являющаяся вторичной [10, 8]. В частности, художественный текст как часть концептуальной картины мира состоит из множества фреймов и когнитивных сценариев, так как художественное произведение представляет собой совокупность авторских концептов. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стернинным, под концептом мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отображаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [11, 24]. Интегративное понимание концепта предложено С.Х. Ляпиным, который рассматривает концепт как многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме [12].

Концептосфера служит для отображения определенной структурированности концептуального динамичного пространства национального языка как структуры знаний о мире, организованных концептом и репрезентированных различными языковыми знаками, так как концептосфера представляет собой структурированную совокупность концептов национального языка, то процесс исследования концептосферы направлен на выявление относительно полных парадигм концептов базового уровня.

В процессе исследования было установлено, что поэтические произведения, качество их перевода играют значимую роль в формировании концепта-фрейма *‘Образ России’* в восприятии иноязычного читателя, так как, являясь основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, концепт в интертекстуальном и интеркультурном поле перевода получает новую смысловую валентность [13, 126]. Тем не менее при переводе должна сохраняться инвариантность смыслового ядра концепта, но, к сожалению, в ряде случаев происходит замена национально-специфической периферии исходного текста.

Основной задачей художественного перевода как компонента художественной картины мира является передача образа персонажей произведения, языковые личности которых имеют совершенно различные типажи, так как при перекодировке художественных текстов переводчик не заменяет одну языковую картину другой, во многих случаях эти картины наслаиваются, совмещаются, поэтому языковая личность переводчика должна обладать таким основным свойством, как гибкость. Эту гибкость можно и нужно развивать в рамках преподавания иностранного языка в вузе, так как перевод поэзии самый трудный жанр перевода. Он труднее самого поэтического творчества [14, 83].

С разрешения авторов ниже мы приводим примеры поэтического перевода, выполненного студентами пятого курса филологического факультета (переводы публикуются впервые). Отрадно, что студенты интересуются историей своей страны и пытаются посредством перевода донести до англоязычного читателя правду о ней, тем самым, формируя концепт-фрейм *‘Образ России’*.

Итак, концепт ‘Россия – защитницы слабых стран’.

Немного лет тому назад,	Not so many times ago
Там, где сливаясь, шумят,	Where two rivers merge in whole
Обнявшись, будто две сестры,	Takes the beginning from afar
Струи Арагвы и Куры,	Named as Aragua and Coora
Был монастырь. Из-за горы	There was a monastery. Not far
И нынче видит пешеход	A traveler can see today
Столбы обрушенных ворот,	The columns of destruction gates,
И башни, и церковный свод;	The churchy arch, the towers grey.
Но не курится уж над ним	The aromatic smoke inside

Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой - и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

М.Ю.Лермонтов

The church is not incense to high.
And you can't hear the holy hymn
Of praying monks the church's within.
Today the one old man is here
His hair's grey, the ruins near
Forgetting by the world, the death
He's dust the gravestones, the paths.
Here's the inscription which is says
The fame about and the king,
Whose crown was too hard for him,
And once upon a time he gave
His folk to Russia for save.
And the prosperity of God
Came into Georgia and brought
The peace of blooming gardens. Since
No enemies and fear within
Because the friendly army in.

Е.А. Есенин

Таким образом, известное произведение М.Ю. Лермонтова, сейчас как никогда актуальное, в его переводном варианте способствует корректному формированию концепта-фрейма 'Образ России' в восприятии англоговорящих читателей, тогда как следующее произведение А.С. Пушкина (переводчик Елена Есенин) дает представление о романтического душе русского человека; концепт 'русская душа' является частью исследуемого нами концепта-фрейма 'Образ России':

I still remind the lovely moment
I still remind the lovely moment:
I saw your face in front of me
As passing vision of a comet
As virgin beauty in its Dei.
In hopeless sorrow, in languor,
In troubles of the loud fuss
I heard your voice completely tender
And saw your features trough the stars.
The year's storm blew out the candle
Of former dreams about us,
And I forgot your voice the tender,
Your features underneath the stars.
In solitary place, in darkness
My life extended day by day:

Я помню чудное мгновенье ...
Я помню чудное мгновенье ...
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,

No inspiration, whole luckless –
The tears, the life, the love away!
My soul woke up the moment:
I saw your face in front of me
As passing vision of a comet,
As virgin beauty in its Dei.
The beats of heart salute occasion
Of resurrection one more time
The deity of inspiration
And tears, and love, and life in rhyme.
А.С.Пушкин

И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Образ России как читающей страны

В рамках написания курсовых работ студентами филологического факультета были выполнены переводы не только с русского языка на английский, но и с английского языка на русский. Так, Марина Григоренко перевела 73 сонет В. Шекспира, отметим, что ранее этот сонет был переведен такими мэтрами отечественного перевода как С.Я. Маршак, Б. Пастернак, В Брусов, что подчеркивает высокий интеллектуальный уровень россиян, широту их мировоззрения, непрестанный интерес к мировой классике:

Sonnet LXXIII В. Шекспир

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruin'd choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou see'st the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou see'st the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire
Consumed with that which it was nourish'd by.
This thou perceivest, which makes thy love more strong,
To love that well which thou must leave ere long.

Перевод Марины Григоренко

Сонет 73

Увидишь ты во мне тот день в году,
Когда листва падет с тугих ветвей,
Услышишь их, дрожащих на ветру,
Как грустный хор покинутых церквей.
Во мне увидишь угасанье дня,

Когда закат рождает темноту,
И солнце к западу намеренно клоня,
Печатью смерти явит пустоту.
Во мне огня увидишь тусклый блеск,
Что в юности своей золой лежит,
Едва услышишь смутный тихий треск,
Он тут же смолкнет, в пепле догорит.
Увидишь ты: тогда любовь сильнее,
Когда расстаться вскоре надо с ней.

Таким образом, формирование навыков поэтического перевода у студентов, изучающих иностранные языки, решает задачи как эстетического, так и патриотического воспитания, способствует формированию в студенческой среде потребности в создании корректной структуры концепта-фрейма *‘Образ России’* в умах иноязычных читателей русской классики, так как в процессе мировосприятия и миропонимания в сознании человека формируется образ внешнего мира, включающий в себя не только объективное знание о явлениях действительности, но и способы его отражения в самом сознании, а языковая картина мира является как процессом, так и результатом, совокупностью правил концептуализации и конкретизации мира, которые наследуются индивидом вместе с языком. Языковая картина мира при косвенной коммуникации предстает в виде художественной картины мира, поэтому поэтический текст как форма реализации этой картины мира связан с ответствующей языковой картиной мира, что находит свое отражение в различных стилях и жанрах художественной литературы. Эти стили и жанры, подвергаясь перекодировке, могут быть переданы полностью или частично на переводной язык.

Литература

1. Рябцева И.К. Менгальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка: Труды Международного семинара “Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям” <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp>
2. Туреев В.А. Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2005. Том 64. № 1.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во “Истоки”, 2002.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды, Т.1, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа “Языки русской культуры”. Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995. – 8-е. изд.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. – №1. – С. 64-72.
7. Комиссаров В.П. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в

освещении зарубежных ученых. – М.: ЧеРО, 2000.

8. Кубрякова Е.А. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 года / Отв. ред. И.И. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С.32-34.

9. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997.

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во "Истоки", 2002.

11. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. – Воронеж: "Истоки", 2006.

12. Лянин С.Х. Концептология. К становлению подхода / С.Х. Лянин // Концепты. Научные труды Центр концепта. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – С. 11-31.

13. Глыцова Е. И. Смысловая валентность концептов в тексте перевода // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. – Волгоград, 22-24 мая 2003г. В 2 ч.. Ч.2 Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 126-127.

14. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социальные аспекты) / отв. ред. Л.Л. Нелюбин. – Магадан: Кордис, 1997.

ПЕРЕХОДНОСТЬ ГЛАГОЛА КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В АНАЛИЗЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ

*А.В. Опищенко
(Белгород)*

В современной лингвистике наметились два подхода к вопросу о переходности глагола (и, соответственно, глагольного предиката, простого или сложного): семантический и синтаксический. Семантически переходность связана с распространением действия на тот или иной объект и, очевидно, допускает определенную градацию. В этой связи, например, А.М. Амагов [1] вводит следующие семантические типы переходности в зависимости от степени выраженности:

- *направленное действие;*
- *воздействие;*
- *каузативность.*

Направленность предполагает, что действие лишь распространяется на объект, который сам в его реализации не участвует. К переходным глаголам первого типа относятся, например, глаголы перцепции и ряд других.

Воздействие включает в себя уже не только направленность действия, но и подверженность объекта этому действию, хотя еще не подразу-